

УДК 94(476.5)«1920/1929»:377.8

Витебский еврейский педагогический техникум в 1920-е годы

Яковлева Г.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Роль еврейского населения в истории Витебщины привлекает внимание историков, краеведов, искусствоведов. В 1921 г. был создан Витебский еврейский педагогический техникум.

Цель статьи – показать процесс становления еврейского педагогического техникума в г. Витебске и охарактеризовать повседневную жизнь будущих «красных учителей» в 1920-е гг.

Материал и методы. В исследовании использованы материалы Государственного архива Витебской области. Методологическую базу составляют принципы историзма, объективности, системного подхода при рассмотрении фактов и явлений. Применялся проблемно-хронологический принцип структурирования материала.

Результаты и их обсуждение. До революции дети евреев обучались в религиозных школах. Еврейская секция Витебского губкома РКП(б) стала инициатором борьбы с хедерами, большинство из которых было закрыто в начале 1920-х гг. В противовес традиционному религиозному образованию создавались советские школы на языке идиш. С целью подготовки «красных учителей» в 1921 г. был открыт Витебский еврейский педагогический техникум. В него поступали на основе социально-классовых критериев. В техникуме, который был советским учебным заведением, способствовавшим советизации еврейской молодежи, учились представители из разных уголков БССР, РСФСР и УССР.

Заключение. Витебский еврейский педагогический техникум, содействуя образованию еврейской молодежи, готовил «красных учителей», усвоивших советскую идеологию. Преподавание велось на идише, содержание образования было советским и совершенствовалось на протяжении всех 1920-х гг. В программе присутствовал курс еврейской культуры, но не было еврейской истории. Попытки хотя бы факультативного изучения иврита не удались. Условия учебы и жизни учащихся, в основном выходцев из местечковой бедноты, были тяжелыми. Учащиеся техникума участвовали в пропаганде советских антирелигиозных обрядов, были пионерскими работниками, вели культурно-просветительскую работу в частях РККА. Обучение в техникуме способствовало социальной мобильности и изменяло жизнь.

Ключевые слова: идиш, хедер, еврейский педагогический техникум, «красные учителя».

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 28–41)

Vitebsk Jewish Pedagogical School in the 1920-s

Yakovleva G.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The role of Jewish population in the history of Vitebsk Region attracts the attention of historians, local culture researchers, and art critics. In 1921 Vitebsk Jewish Pedagogical School was founded.

The purpose of the article is to show the maturation process of the Jewish Pedagogical School in Vitebsk and characterize everyday life of would-be «red teachers» in the 1920-s.

Material and methods. Materials of the State Archive of Vitebsk Region were used in the research. The methodological base is made up by principles of historicism, objectivity, system approach while treating facts and phenomena. The problem and chronological principle of structuring the material was used.

Findings and their discussion. Before the Revolution children of Jews went to religious schools. The Jewish section of Vitebsk Region Communist Party Committee initiated struggle against heeders most of which were closed in the early 1920-s. Soviet schools in Yiddish were set up instead of traditional religious education. To train «red teachers» in 1921 Vitebsk Jewish Pedagogical School was opened. Social and class admittance criteria were used. The school, which was a Soviet educational establishment aimed at Sovietization of Jewish youth, trained representatives of all parts of the BSSR, RSFSR and USSR.

Conclusion. Vitebsk Jewish Pedagogical School promoted education of Jewish youth by training «red teachers» who incorporated Soviet ideology. Teaching was in Yiddish; the content of education was Soviet and was improved during the 1920-s.

Адрес для корреспонденции: e-mail: gnyakovleva@mail.ru – Г.Н. Яковлева

The curriculum contained a Hebrew Culture course but there was no Hebrew History. Attempts to teach Hebrew at least as an optional course failed. Life and study conditions of students, who mainly came from poor settlement families, were appalling. The School students participated in promoting Soviet anti-religious rites; they were Pioneer Organization workers, they also did culture education work in the Red Army units. The School training contributed to social mobility and changed life.

Key words: *Yiddish, heeder, Jewish Pedagogical School, «red teachers».*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 28–41)

Исторически сложилось так, что евреи составляли значительную часть жителей Витебска и местечек губернии. Революция расколола еврейское население. Одна часть местного еврейства сохраняла верность религиозным ценностям, которые лежали в основе жизненного уклада и мировоззрения, по-прежнему стремилась опираться на общинную поддержку, религиозную систему образования и воспитания подрастающего поколения. Те из них, кто принял Октябрьскую революцию и новую идеологию, сыграли важную роль в установлении советской власти в губернии. Еврейская молодежь стояла у истоков местного комсомола, способствовала развитию советского женского движения. Еврейская секция губернского комитета РКП(б) была одной из самых активных в РСФСР. Она вела активную борьбу против иудаизма, религиозного образования, традиционализма в еврейской среде. Средством нового воспитания должны были стать светские школы на языке идиш. В работах А. Зельцера, Я.З. Басина уделено много внимания анализу культуры на языке идиш и ее роли в советизации белорусского еврейства. А.М. Подлипский обозначил основные вехи в истории Витебского еврейского техникума. Однако многие страницы его истории остались неосвещенными.

Цель статьи – показать процесс становления еврейского педагогического техникума в г. Витебске и охарактеризовать повседневную жизнь будущих «красных учителей» в 1920-е гг.

Материал и методы. В статье использованы материалы фонда 905 (Витебский еврейский педагогический техникум), фонда 2289 (Коллекция периодической печати), а также фонда 9-п (Коллекция документов органов партийного и государственного контроля Витебской губернии) Государственного архива Витебской области. Фонд 905 содержит переписку руководства техникума с различными организациями, учебные программы, протоколы заседаний приемных комиссий и Совета техникума, анкеты преподавательского состава, докладные записки о состоянии техникума, а также сочинения тех, кто поступал в техникум. Использована только та, хотя и преобладающая, часть документов фонда 905, которая написана на русском языке. Методологической базой являются принципы историзма, объективности, системного подхода при

рассмотрении фактов и явлений. Использовался проблемно-хронологический принцип структурирования материала.

Результаты и их обсуждение. Престиж образования в еврейской среде всегда был очень высок. В дореволюционной России у евреев существовали учебные заведения разного типа, но наиболее многочисленной и развитой являлась сеть традиционных учебных заведений. «Хедеры, Талмуд-Торы и ешивы были неотъемлемой частью общинной жизни белорусских евреев. Еврейский мальчик начинал свою сознательную жизнь с хедера – самого распространенного в Белоруссии еврейского учебного заведения» [1]. Эти начальные школы занимались не только образованием, но и воспитанием, формированием еврейской идентичности. Модернизационные процессы, охватившие еврейскую среду еще до революции, затронули и систему образования. Появились «реформированные хедеры», а еврейские деятели еще до революции спорили о характере школы (религиозном или светском) и языке преподавания (идиш или иврит). Ускорила эти процессы и революция. Преобладание национального над классовым не соответствовало идеологическим установкам большевиков. 20 января 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Было запрещено религиозное образование детей до 18 лет. Началась первая волна гонений на религию. Стала создаваться советская система образования.

С конца 1920 г. активизируется борьба с религией и в Витебской губернии, входившей тогда в РСФСР. Под руководством еврейской секции губернского комитета РКП(б) был проведен знаменитый показательный «суд над хедерами», который длился несколько дней. «Борьба с хедерами и ешиботами и талмуд-торами – этим худшим наследием прошлого, реорганизация старых еврейских казенных и различного рода частных и общественных училищ, клерикально-националистических или русификаторско-ассимиляторских по духу воспитания в них, реформирование их в новую трудовую школу, приближение их к массам еврейского трудового населения и к элементарным требованиям педагогики путем преподавания на родном языке, расширение сети учреждений – вот что предстояло Еврейской секции губоно в одной только области школьного дела», – сообщал в мае

1921 г. «Вестник народного образования» (орган Витебского губернского отдела народного образования). В течение 1921–1922 гг. большая часть хедеров была закрыта. В противовес традиционной системе образования стали создавать советские еврейские школы с преподаванием на языке идиш. С одной стороны, объединяя еврейских детей, они способствовали сохранению национальной идентичности, с другой – формировали представления о том, каким должен быть советский еврей.

С целью подготовки учителей для этих учебных заведений в 1921 г. в Витебске начал работу Еврейский педагогический техникум. Будущие «красные учителя» должны были привить детям новые ценности, способствовать их интеграции в новые советские условия. Техникуму было присвоено имя Эстер Фрумкиной, которая еще до революции была активной сторонницей светского образования для еврейских детей на языке идиш. Созданному техникуму был выделен первый этаж в здании бывшей Талмуд-Торы на ул. Набережной Витьбы, д. 3 (сейчас здание театра «Лялька»). В 1921 г. в зависимости от уровня подготовки в техникум приняли слушателей на три курса: подготовительный, 1-й и 2-й [2]. Было подано 130 заявлений, однако зачислили только 86 человек. Возраст слушателей варьировал от 18 до 30 лет, многие до поступления работали в системе образования [2, л. 130]. Учеба в техникуме была рассчитана на 4 года. Первым его заведующим стал Лев Исаакович Фельдман. В 1923/1924 учебном году техникум возглавляли Поташ Моисей Абрамович, потом – Самуил Израилевич Рубин, а с сентября 1924 года по июль 1931 года – Лев Самуилович Калецкий [3]. В 1921 г. штат преподавателей, помимо Фельдмана, включал заместителя по учебной работе Л.С. Калецкого и еще десять лекторов. Практически все они окончили дореволюционные гимназии, высшие учебные заведения, работали в еврейских учебных заведениях. Интересно, что в числе первых преподавателей были четыре выпускницы Высших женских курсов (Бестужевских, курсов Герье) [2, л. 115]. Три преподавателя являлись членами РКП(б). Среди слушателей первого набора было 30 коммунистов, 7 членов партии Поалей Цион, 1 член Бунда [2, л. 114]. Сразу была создана ячейка РКП(б). Однако все 1920-е гг. преобладающая часть преподавателей техникума являлась беспартийной. С первых дней в техникуме работали А.Я. Розенцвейг и С. Юдовин. Преподавательский состав техникума менялся, к 1928 г. из первого состава лекторов остались только Л.С. Калецкий и А.Я. Розенцвейг. Л.С. Калецкий родился в Гродно в «старосветской еврейской религиозной семье», «от 5 до 12 лет учился в хедере». Переехав с семьей в Польшу, примкнул к лодзинской орга-

низации Бунда, арестовывался в 1904 г., экстерном окончил гимназию, учился в Новороссийском и Иенском (Германия) университетах, сдал экзамен на звание учителя, учительствовал, всю войну был в армии, с 1919 г. работал в разных учебных заведениях Витебска [4]. Преподаватель еврейского языка и литературы А.Я. Розенцвейг, выходец из местечка Заблудово Гродненской губернии, сын раввина. В анкетах он отмечал, что с 1912 по 1917 г. был учителем в «витебской еврейской реформированной Талмуд-Торе», состоял членом ОЕСРП (Объединенной еврейской социалистической партии. – Г.Я.). Однако принял революцию, учительствовал в новых еврейских школах. Интересно, что с декабря 1921 по середину 1924 г. он состоял кандидатом в члены РКП(б), однако в партию принят не был. Его личные обращения в Минск и Москву с апелляциями в ЦКК КП(б)Б и ЦКК РКП(б) успехом не увенчались. Проверочной комиссией он был охарактеризован как «мещанский элемент», как «идеологически чуждый элемент, не переварившийся за время пребывания в партии» [5]. Удивительно, но это не помешало Розенцвейгу преподавать в техникуме до конца 1920-х гг. и принимать активнейшее участие в жизни города и учебного заведения [6]. Он занимался научной деятельностью, стажировался в МГУ. Стал известным литературоведом и публицистом, автором книг о ведущих еврейских писателях [7, с. 112].

Должность заведующего техникумом была «номенклатурой» губкома РКП(б) и только после утверждения кандидатуры губкомом издавался приказ по губоно [3, л. 20 об., 21, 30]. После включения Витебской губернии в состав БССР утверждение на должность осуществлялось Главпрофобром Наркомпроса БССР по согласованию с Центральным еврейским бюро НКП. Подбирать кадры для техникума помогали также окружной отдел народного образования и еврейское бюро Витебского окружкома КП(б)Б. Так, на заседании евбюро окружкома КП(б)Б Л.С. Калецкий, возглавивший с сентября 1924 г. техникум, просил решить вопрос о заведующем учебной частью. Евбюро в декабре 1924 г. рекомендовало освободить от работы в 1-й еврейской семилетней школе А.Я. Розенцвейга для того, чтобы он возглавил учебную часть [8]. Большинство преподавателей были евреями, но работали здесь также белорусы и русские (художники И.Т. Гаврис, Е.С. Минин, профессор музыки А.П. Постников). Курс анатомии читали доктора, практиковавшие в больницах города (Б. Вовси, Б.М. Шапиро). Как правило, они же выполняли функции врача при техникуме. Пополнялся штат преподавателей и за счет его выпускников.

В начале 1924/1925 учебного года в техникуме уже работали все 4 курса [9] и обучалось 162 че-

ловека: 60 мужчин и 102 женщины. 21 учащийся был членом КП(б)Б, 31 – комсомольцы, остальные – беспартийные. 122 студента были выходцами из округов БССР, 18 – из РСФСР, 13 – из УССР, 11 – из других мест. Поступление в техникум осуществлялось по принципу социального отбора, который уточнялся на протяжении 1920-х гг. Из 162 слушателей 68 были детьми рабочих и крестьян, 6 – крестьянами, 45 – рабочими, а остальные 43 – служащими [10]. Среди учащихся преобладали горожане и выходцы из местечек. Постепенно ужесточались и возрастные требования. Контингент молодел, становилось меньше членов партии, но все больше комсомольцев. Многие поступали в техникум по направлениям отделов народного образования, еврейских секций губернских и уездных комитетов РКП(б), РКСМ, профсоюзов. Так, по направлению Витебского губкома КСМ в 1921 г. был принят в техникум «рабочий-пекарь с 7-летним стажем» Хацкель Моисеевич Дунец (1897 г.р.), активно занимавшийся партийной работой и возглавивший в 1923 г. еврейскую секцию губкома РКП(б). В 1924 г. Дунец начал преподавать обществоведение на 1-м и 2-м курсах техникума [11]. В 1921 г. Витебским комитетом коммунистической партии «Поалей-Цион» была рекомендована для учебы портниха со стажем Шварц Песя Абрамовна (жена Дунца) [11, л. 4]. В июле 1925 г. по предложению евбюро окружкома КП(б)Б окружной Совет ремесленной и мелкой промышленности выделил из детей ремесленников трех человек и ходатайствовал об их зачислении в техникум. «Все указанные лица пролетарского происхождения и бедного состояния», – гарантировал Совет [12]. В 1926 г. при поступлении в вузы и техникумы по условиям приема с детьми рабочих уравнивали детей специалистов, работавших в госучреждениях и предприятиях [13]. В 1927 г. была уточнена установленная ранее очередность категорий по социальному положению при зачислении в вузы и техникумы. Теперь в первую очередь должны были зачисляться дети из детдомов и подростки, направленные биржей труда. Во вторую очередь – дети рабочих и батраков (к этой категории также относились дети учителей и научных работников, специалистов, работающих в госорганах), затем – дети беднейших крестьян и «заняпалых саматужнікаў» и в последнюю очередь – все остальные [14].

В 1921 г. в здании бывшей Талмуд-Торы, где располагался техникум, ему принадлежал только первый этаж: 3 учебные аудитории, зал для игр и пения, комнаты для лаборатории и библиотеки, канцелярия. Сначала в здании также размещались несколько еврейских школ и вечерние еврейские курсы для взрослых [15]. В них учительствовали многие будущие преподаватели техникума.

Кстати, работавшая здесь 10-я еврейская трудовая школа 2-й ступени была преобразована в 1-ю еврейскую семилетку, ставшую с 1925 г. опытной школой при техникуме [6, л. 22 об.]. Начиналась работа в трудных условиях. Не было парт, скамеек, учебников, программ. Преподаватели испытывали трудности с тем, чтобы наглядно объяснить материал. Приходилось обращаться в механический техникум, в профтехшколу металлистов с просьбой допустить слушателей для работы в их кабинеты и мастерские. В 1923 г. преподавательница пения из-за отсутствия инструмента (рояля или пианино) отказывалась заниматься со слушателями разучиванием песен [16]. Преподаватель физической культуры просил срочно изготовить 40 гимнастических деревянных палок, т.к. нет спортивных снарядов [16, л. 28]. Для проведения занятий по анатомии руководство учебного заведения просило Дом санитарного просвещения выделить на 10 дней «1 человеческий скелет, 1 человеческий череп целый и череп с горизонтальным разрезом и 1 крестец» [8, л. 86].

Тяжело пришлось и слушателям набора 1921 г. Шел организационный период, все начинали фактически с нуля, были неувязки с финансированием. В октябре 1921 г. Л.И. Фельдман даже боялся «массового бегства из техникума» и просил губернский отдел народного образования выдать аванс в счет причитающейся стипендии, т.к. слушатели буквально голодали, не имея никаких средств удовлетворить самые элементарные потребности: сходить в баню, постричься, купить еду [2, л. 17]. Многие переболели тифом. Выручала столовая при техникуме. Чтобы как-то решить проблему с продуктами питания, в начале 1922 г. руководство просило губернский земельный отдел закрепить за техникумом участок земли в размере 70 кв. сажен, «который будет обрабатываться силами наших слушателей» [2, л. 218]. Этот участок земли располагался на территории от нынешнего Художественного музея (тогда Дворца Труда) до театра «Лялька». В январе 1922 г. руководство техникума ходатайствовало перед губернским отделом народного образования о предоставлении приезжим учащимся бесплатного проезда по железной дороге домой на каникулы. Поездка на родину была необходима по причине «тяжелого положения студентов, они изголодались и обносились так, что поездка для каждого из них на родину является абсолютно необходимой для поправления здоровья и доставки продовольствия и одежды» [2, л. 148]. Участвовали слушатели техникума и в заготовке дров, о чем свидетельствовала просьба руководства в губернский отдел здравоохранения «выделить некоторое количество перевязочного материала для студентов, которые отправляются на две недели в Подберезье для заготовки дров»

[2, л. 83]. Оказывали помощь техникуму американские благотворительные организации «АРА» и «Джойнт». В тяжелом 1922 г. на витебское отделение «АРА» неоднократно переводились деньги для приобретения продуктов для слушателей техникума [17]. В 1922–1925 гг. определенные денежные средства на дополнительное питание учащимся переводились и московским отделением «Джойнта» [9, л. 40; 18].

В документах 1921 г. упоминается, что техникуму принадлежал «интернат на 55 мест». Вероятно, он располагался в нескольких помещениях закрытой в том же году Узгорской синагоги на ул. Володарского, д. 15 (сейчас ул. Суворова), где был открыт Еврейский коммунистический университет. Подтверждается это тем, что заведующий губонов в сентябре 1923 г. предлагал руководству техникума «немедленно освободить два помещения в 1 и 2-м этажах с южной стороны большого белого корпуса бывшей синагоги (Володарская, 15), занимаемого общежитием евпедтехникума». Ученикам надо было уплотниться (временно), переселившись в «помещение, расположенное на 2-м этаже (над столовой евообщесткома) флигеля во дворе, занятое их же товарищами» [15, л. 66]. Чуть позже техникуму были выделены помещения под два общежития: одно – на Мало-Могилевской ул. (ныне ул. Калинина), д. 11/13, второе размещалось на Задуновской ул. (сейчас проспект Фрунзе), д. 46. В апреле 1926 г. в них уже проживало 125 человек [13, л. 37]. В годы становления техникум поддерживал Витебский еврейский общественный комитет. В 1922 г. он выделил для его нужд 10 млн рублей [2, л. 212]. В феврале 1923 г. на заседании медико-санитарной комиссии Витебского евообщесткома слушался вопрос о санитарном состоянии техникума. Докладывал информацию доктор техникума Б. Вовси, присутствовали на заседании заведующий Л. Фельдман и заместитель по учебной работе Л. Калецкий. Врачей, входивших в комиссию, беспокоило плохое питание курсантов, отсутствие физических нагрузок, переутомление из-за занятий до 2–3-х часов ночи. Они были эмоциональны и категоричны: непосильная работа и недостаточное питание в течение 4-х лет превратят курсантов в «анемичных неврастеников», а отсутствие физических нагрузок – «в сплошных дегенератов». Члены комиссии рекомендовали рассмотреть на педсовете вопрос о плане занятий, чтобы избежать перегрузок из-за тяжелых условий учебы. Плохо обстояли дела и в общежитии. Задавался резонный вопрос: как будущие учителя будут вести потом школьно-санитарную работу, если живут в столь безобразных условиях? Сырость в палатах, отсутствие белья, одеял у многих курсантов, отсутствие ухода за зубами, недостаток отопления, керосиновое освещение,

густой пар на кухне, отвратительное состояние клозетов – вот что констатировалось на заседании [15, л. 2]. Речь шла о необходимости срочного ремонта клозетов, об улучшении отопления, о важности перевода общежития на электрическое освещение. Не совсем ясно, о каком общежитии тогда шла речь? В документах упоминается об осуществленном в 1923–1924 гг. капитальном ремонте общежития на ул. Задуновской, задолженность за который техникум все еще погашал строителям в 1926 г. [13, л. 109]. Проблема общежитий оставалась злободневной все 1920-е гг. Особенно сложными условия проживания были в общежитии на Мало-Могилевской ул. Капитального ремонта там не было несколько десятилетий, оно было холодным и сырым, что способствовало заболеваемости среди слушателей, вплоть до туберкулеза. Руководство техникума неоднократно пыталось добиться нового здания под общежитие или решения о капитальном ремонте старого [14, л. 44].

«Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)» летом 1923 г. сообщали, что бюро ячейки РКП(б) еврейского педтехникума готовится к двухлетнему юбилею своего учебного заведения. 25 июня 1923 г. должен был состояться торжественный вечер со спектаклем и спортивными мероприятиями. На юбилей приглашались партийные органы и подшефные организации, представители других еврейских педтехникумов республики. Послано специальное приглашение Эстер Фрумкиной, имя которой носил техникум [19]. В 1924 г. состоялся первый выпуск: это были 14 слушателей, которые в 1921 г. поступали сразу на второй курс. Проверочная комиссия в составе 9 человек беседовала с выпускниками по 8 предметам: теория и практика трудовой школы, практическая работа в школе, еврейская литература, русская литература, политэкономия и политические знания, а также Конституция СССР и экономическая география СССР. Комиссия отмечала качество знаний, уровень политического развития, общественную активность выпускников в годы учебы. Характерно, что нехватка кадров в еврейских школах была такой, что все выпускники в годы учебы подрабатывали в еврейских учебных или дошкольных заведениях [11, л. 10]. В 1925 г. состоялся второй выпуск техникума (31 человек). Среди выпускников был, кстати, Юдовин Моисей Ицкович, имевший 6-летний стаж работы (в евбюро Лепельского уоно, в витебском клубе им. Хайкина, в центральной еврейской библиотеке им. Переца). Он поступил в техникум в 1924 г. сразу на 4 курс. Поэт, серьезный и вдумчивый, достигший хороших успехов в науках, хорошего общего и политического развития – так характеризовала Юдовина комиссия, считавшая, что его можно использовать как

для общественно-просветительной работы, так и для преподавания гуманитарных наук, главным образом, еврейского языка и литературы [11, л. 4]. Что он и делал, став преподавателем родного техникума.

В связи с выпуском 1925 г. секретарь Витебского окружкома КП(б)Б прислал приветственное письмо, в котором существование техникума оценил как доказательство правильности советской национальной политики. Поздравляя выпускников, он призвал их идти в местечки и нарождающиеся еврейские земледельческие поселения, служить интересам рабочих и крестьян, действовать рука об руку с советскими и партийными органами, выкорчевывать безграмотность и суеверия, строить новую трудовую школу и сеять «семя коммунизма в среду трудящихся масс» [12, л. 143]. Текст приветствия очень хорошо иллюстрирует предназначение учебного заведения: с помощью его выпускников способствовать формированию новой социальной идентичности в еврейской среде.

В 1924/1925 учебном году техникум переживал кризис роста. Все в тех же трех аудиториях учились уже четыре курса. Появилось оборудование для кабинетов и лабораторий, было издано значительное количество учебных пособий. В здании также работала 1-я еврейская семилетняя школа, которая получила статус опытно-экспериментальной школы при техникуме, и в ней проходил педагогический практикум. А на втором этаже здания по-прежнему размещалась 2-я еврейская школа. Весной-летом 1925 г. руководство предприняло активные попытки получить все здание. Были написаны докладные записки о состоянии техникума: одна записка – в евбюро окружкома КП(б)Б, другая – в евбюро окружного отдела народного образования. В них заведующий техникумом Л. Калецкий обосновывал необходимость выполнения решения о переводе 2-й еврейской школы в другое помещение и передачи второго этажа техникуму. Нехватка помещений препятствовала переходу на лабораторный метод учебы, затрудняла кружковую работу. Учебное заведение давно «переросло» выделенные ему помещения, и, по мнению заведующего, «будет влачить жалкое существование и не сможет дать своим воспитанникам навыков самостоятельного и самодеятельного труда в духе требований современной школы» [20]. К концу 1925 г. вопрос был решен положительно и техникум получил помещения на 2-м этаже, там был сделан ремонт, проведено электричество, что, несомненно, улучшило условия для проведения занятий. В полуподвальном помещении располагались кухня и столовая, жилье технического персонала. При техникуме была своя прачечная, три швейные машины марки «Зингер». Улучша-

лась материальная база учебного заведения. Библиотека уже насчитывала 6000 томов, для проведения занятий были заказаны 6 микроскопов из Вены, появилось пианино фирмы «Шредер». Но при этом из-за нехватки мебели плохо использовалась часть помещения техникума, выделенного под клуб. Постоянной была нехватка ассигнований на приобретение дров, из-за этого техникум и общежития отапливались плохо, периодически возникали проблемы с приготовлением пищи или стиркой белья студентов в прачечных [20, л. 8].

Большинство учащихся техникума проживали только на стипендию, которая была небольшой, но для них очень значимой. Тогда стипендия, как правило, на руки не выдавалась. На эти деньги организовывались трехразовое питание в столовой, стирка белья, поход в баню, покупалось мыло, оплачивалась работа врача. В 1920-е гг. большую роль в организации работы кухни и столовой играл профком, студент – член хозяйственной комиссии профкома фактически заведовал закупкой продуктов, вел документацию, участвовал в составлении меню. По указанию НКП СССР в конце 1924 г. выделенные для учащихся стипендии можно было делить пополам. С декабря 1924 г. 59 стипендий разделили между 76 учащимися на 42 полные (по 10 руб.) и 34 полстипендии (по 5 руб.). Чтобы не потерять учащихся, техникум просил руководство местного профсоюза работников просвещения, профсоюза кустарей, совпартшколу, окроно выделить для учащихся по 1–2 стипендии в 8–10 рублей и спасти положение [9, л. 82]. Также некоторое количество учащихся обратилось на биржу труда в поисках работы в вечернее время. Руководство пыталось устраивать самых проблемных учащихся в дом отдыха общества «Друзья детей», выделяло материальную помощь больным, стремилось получить дополнительные средства от «Джойнта». Стипендиальная комиссия учитывала социальное и материальное положение, браки или разводы учащихся, снимала стипендии за неуспеваемость.

Ситуация оказалась тогда чрезвычайно сложной для всего студенчества страны. Ею озаботился Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР. Обсуждалась проблема и в Минске. На совещании профсоюзных секций педтехникумов, профкома БГУ и руководства профсоюза работников просвещения отмечалось, что из-за недостаточного количества стипендий наблюдались тяжелейшее материальное положение и плохое физическое состояние учащихся во всех учебных заведениях педагогического профиля БССР. Представитель от Витебского еврейского техникума выражал недоумение: почему стипендии, которых и так мало, еще и распределяются неравномерно? Минский евпедтехникум на 150 студентов получал 85 стипендий, а витебский

на 160 – только 65 [12, л. 92]. В апреле 1925 г. от имени ответственного секретаря ячейки КП(б)Б техникума была подготовлена докладная записка в отдел агитпропа окружкома партии (на документе фамилии и подписи нет). В ней говорилось о тяжелом положении, которое сложилось в связи с тем, что на 159 учащихся в конце 1924 г. выделялось 59 стипендий по 10 рублей, а с января 1925 г. – 65 стипендий по 13 рублей. В докладной записке приводился социальный состав учащихся, отмечалось, что 91 человек является членом профсоюза, 51 – комсомольцы, 19 – члены и кандидаты КПБ. Причем, в техникуме училось только 14 местных городских жителей, 24 – это «беспзорные и бездомные, потерявшие связь с семьей». Среди них были детдомовцы, выходцы из «закордонной Белоруссии и Польши» [20, л. 1]. Стипендиальная комиссия оказалась в безвыходном положении, т.к. не могла удовлетворить всех нуждающихся. Отказ в стипендии привел бы к тому, что 30 учащихся пришлось бы «вернуться в местечко без перспектив к дальнейшему образованию и существованию». Было принято решение разрешить этим учащимся столоваться из общего котла, что ухудшило ситуацию с питанием для всех. Но записка писалась в агитпроп, поэтому просьбы о единовременном пособии на 1000 рублей и выделении средств на стипендии на два летних месяца для 40 стипендиатов, которым некуда ехать на каникулы, сопровождались идеологическими мотивами. Ячейка предупреждала, что могут возникнуть нежелательные конфликты и осложнения из-за того, что все учащиеся одного социального слоя и имеют право на стипендию. Но счастливчик тот, кто вступил в комсомол и тем самым получил доступ в профсоюз, а значит и право на стипендию [20, л. 1 об.]. А на вышеупомянутом совещании в Минске речь шла о том, что фактически прием в профсоюз искусственно сдерживался, т.к. в него принимались учащиеся 3–4 курсов [12, л. 92]. Так что общественно-политическая активность молодежи явно стимулировалась и материальными факторами. В апреле 1926 г. стипендию уже получали 99 учащихся, практика деления стипендий сохранялась. В 1927/1928 учебном году на 150 учащихся было выделено 89 стипендий по 15 руб. Стипендиальная комиссия разделила их на 67 полных и 44 полстипендии [21]. В феврале 1928 г. их распределение пересмотрели в связи с изменением социального и имущественного положения родителей или самих учащихся. Если кто-то из родителей имел патент на торговлю, это сразу приводило к лишению стипендии. Сняли стипендию с учащейся, которая вступила в брак (муж получал зарплату 80 руб.), и, наоборот, назначили половинную стипендию той, которая была на иждивении мужа, но развелась.

Получил половинную стипендию и учащийся, чей отец, бывший меламедом, теперь стал сторожем. Лишили стипендии 4-х учащихся за неуспеваемость [21, л. 8]. На лето снимали стипендию у тех, кто устраивался работать на детские площадки. Ситуация опять обострилась осенью 1928 г. В ноябре НКП принял решение о постепенной ликвидации дробления стипендий. Это вынудило руководство техникума обратиться в центральное правление «ОЗЕТ» в Москву, в белорусское правление «ОЗЕТ» в Минске, а также в витебское окружное правление с просьбой выделить по несколько стипендий для студентов-крестьян, число которых растет и составило уже 20% от всех учащихся [22]. Стипендиальная комиссия техникума в феврале 1929 г. особое внимание уделила первому курсу, где дробление было наибольшим, там решили оставить только 4 полстипендии для детей рабочих из Витебска, которые проживали с родителями. По мнению комиссии, лишить их вообще стипендии по социальному положению (дети рабочих) нельзя, а по имущественному (живут с родителями) выплачивать полную нецелесообразно [21, л. 23].

Что касается учебного процесса, то наполнение его дисциплинами изменялось на протяжении всех 1920-х гг. В соответствии с учебным планом 1924 г. на подготовительном курсе изучались математика, природоведение, география, история, обществоведение, русский и еврейский языки, а также физвоспитание, рисование и пение. На первом основном добавлялись русская и еврейская литературы и «трудовые процессы», на втором – физика с практическими работами, анатомия и физиология человека, на третьем – химия. Далее планы менялись в соответствии с все большей политизацией образования, общими преобразованиями в системе образования, а также и административно-территориальными изменениями. С вхождением Витебской губернии в состав БССР и реализацией политики белорусизации в учебные планы техникума включается изучение белорусского языка и литературы, в ведении документации начинает использоваться белорусский язык. Русская литература стала изучаться в одном блоке с западноевропейской, а русский язык исчез из программы на несколько лет и был восстановлен в 1928 г. Проблемы с успеваемостью по белорусскому языку волновали руководство и потому, что в техникуме учились слушатели из РСФСР, УССР, Литвы, Польши. Испытал на себе техникум и все педагогические поиски 1920-х гг. С переходом с 1925 г. на Дальтон-план оборудовали физико-химический и биологический кабинеты, кабинет сельского хозяйства. Чрезвычайно распространены были экскурсии. Появилась педология. Много внимания уделялось педагогическим курсам и практи-

ке. Потом помимо педагогического практикума появился еще сельскохозяйственный, а затем и индустриальный практикум на заводах и фабриках Витебска. Протоколы заседаний предметных комиссий техникума показывают, что мнения преподавателей и слушателей о содержании изучаемой дисциплины и об объеме выполняемой работы не всегда совпадали. Если при изучении еврейской литературы и языка слушатели хотели больше современного журнального материала, а не только классики, и не таких больших письменных работ, то преподаватели настаивали на максимальном внимании к изучению грамматики, развитию речи, необходимости «заняться изучением древнееврейского языка, трансификации и лексики» [23]. Поскольку в курсе литературы вместе изучались русская и западноевропейская литература, возникали споры о перегруженности программы, об исключении или сохранении западноевропейской литературы в ней, введении курса русского языка, т.к. 40% студентов владели им слабо. Студенты считали, что преподаватель при разборе не показывает, как произведение отражает эпоху, а сам преподаватель жаловался на то, что из-за нехватки времени он не может уделить внимание анализу композиции и особенностям языка, считал, что студенты часто специально отказываются отвечать, мотивируя это незнанием языка [23, л. 14, 20].

Начало «Великого перелома» сразу сказалось и на работе техникума. С 1928/1929 учебного года в планах появились такие предметы, как методика политико-просветительной работы с населением, основы кооперации и коллективизации сельского хозяйства, а также на 1 час в неделю увеличили изучение «истории классово-борьбы» на 1–3 курсах с целью внесения в курс еврейских элементов обществоведения [24]. После активизации с 1929 г. антирелигиозной борьбы и резолюции съезда безбожников об антирелигиозном воспитании в школах в программе курса по политпросветработе надо было больше внимания и часов уделять на антирелигиозное воспитание в техникуме. Научно-методический комитет НКП БССР в декабре 1929 г. поручил техникуму совместно с еврейским инспектором Витебского округа разработать методическое письмо о методах проведения антирелигиозного воспитания в еврейских школах на основе выборочного обследования 10–15 школ Витебского и Полоцкого округов [24, л. 18]. В условиях ужесточения борьбы с религией и антисемитизмом в ходе практики на 4 курсе в «Схему изучения местечковой школы» было добавлено интернациональное и антирелигиозное воспитание. Практикантам предлагалось выяснить, что делается школой в области антирелигиозного воспитания, ведется ли работа с родителями, как школа борется с хе-

дерами и влиянием религиозных праздников на детей. Если ранее в ходе практики надо было собирать еврейский фольклор, то теперь предлагалось выявить, какие шовинистические словечки и фразы по отношению к неевреям имеются у детей и как шла борьба с ними? Выпускники-практиканты должны были провести беседы с детьми на темы антисемитизма, еврейского шовинизма и национализма, попытаться установить контакты между детьми разных школ, если их не было [25]. В 1929/1930 учебном году в «Схему» добавили раздел «Вопросы классового воспитания детей», предусматривавший выявление настроений учеников в связи с развертывавшейся коллективизацией [26]. Во второй половине 1927/1928 учебного года появилась военная подготовка, и в основном женский контингент техникума приобщался к военизации, учился стрелять.

С 1928–1929 гг. еще больше ужесточились требования к социальному происхождению поступающих в учебные заведения. Постановлением НКП СССР устанавливались (хотя не подлежали оглашению) две обязательные курии для поступающих: курия рабочих (30% мест) и курия крестьян (55% мест), ответственность за выполнение куриальных норм возлагалась на руководителя учебного заведения. Незанятые места этих курий запрещалось передавать выходцам из других социальных групп [27]. В 1929 г. увеличилось количество студентов, исключенных за сокрытие ими своего социального положения. По всей БССР после проверки социального положения было выявлено и исключено более 200 студентов [27, л. 7]. Отразилась эта волна и на техникуме. Весной 1929 г. на заседании Совета техникума рассматривалось пять дел о сокрытии социального положения. Анализ протоколов заседаний Совета техникума показывает, что мнения студентов и преподавателей часто не совпадали. Для преподавателей было важно, каким студентом был тот, чье дело рассматривалось. Они пытались защитить хороших студентов, не исключать их без внимательного изучения предъявляемых обвинений и достоверности доказательств их вины. Профком был настроен более радикально. Студентам казалась подозрительной «скрытность» одной сокурсницы и они делали вывод, необоснованный по мнению преподавателей, что она «будет вредным спецом», чуждой им казалась «склонность ко всякого рода настроениям и мечтательность» другой. Преподаватели не желали исключать «одну из лучших студенток» в первом случае, а во втором случае родителей «мечтательницы-студентки» (мать – торговку яблоками и отца – сборщика тряпья при семье в 8 человек) они не воспринимали как социально чуждый элемент. Но настаивали на исключении студентки 4 курса («никакой студентки») за то,

что скрывает, что отец – раввин в м. Шацк, указав в анкете, что он крестьянин. Студенты доказывали, что Г. ничего не скрывала, с 1923 г. порвала с семьей, с 1926 г. жила на иждивении мужа – члена партии. Преподаватели не согласились с доводами профкома и студентов, мнения разделились, и дело передали в Наркомпрос БССР [28]. Среди преподавателей шли споры по поводу студента 4-го курса, по анкетам 1925 г. и 1928 г. – выходца из местечковой бедноты. Но в 1929 г. поступили сведения, что его мать была «компаньонкой торговца 3-го разряда». Студент доказывал, что это клевета и что он обратился в Оршанскую РКИ с ходатайством о расследовании дела и наказании за клевету. Предложение – дождаться итогов расследования – было поддержано 6-тью голосами, за исключение проголосовали 13 человек. А вот студентка С. была исключена фактически без споров, так как было доказано, что в анкете, заверенной Глусским РИК, она к слову «торговец» дописала «первого разряда», хотя ее отец все время занимался торговлей кожаными товарами [28, л. 17]. Надо понимать, что это было очень важное дополнение, т.к. патент 1-го разряда выдавался именно мелким торговцам, что было более приемлемо по социальным критериям. Интересно, что, поступая в техникум в 1926 г., С. «сдала приемные испытания отлично, лучше всех экзаменовавшихся», по социальным критериям (дочь мелкого торговца) была зачислена только кандидатом под № 3. Однако решением приемной комиссии ее даже переместили на первое место среди кандидатов, а потом она стала полноценной студенткой [29]. НКП БССР студентке Г. объявил выговор, но жалоба С. на решение Совета об исключении была отклонена, и ее исключили за подделку документов, сокрытие социального положения, политическую пассивность [30]. Так ломались судьбы молодых людей, вынужденных «подстраивать» свои биографии под потребности времени и нужных классовых критериев.

Выпускники техникума должны были работать в школах с обучением на идише, поэтому значительное количество часов выделялось на совершенствование еврейского языка и литературы, изучался курс истории еврейской культуры. Однако сама концепция еврейской истории была исключена из программы. Изначальные попытки витебской евсекции Главпрофобра ввести на факультативной основе изучение древнееврейского языка со второго года обучения в техникуме одобрения в Москве не получили [15, л. 9]. В курсе еврейской литературы изучались произведения Ш. Алейхема и М. Мойхл-Сфорима, советских писателей. Интересно, что в начале 1922 г. губоно издал приказ, в соответствии с которым здание бывшей Талмуд-Торы, в котором размещалось несколько еврейских школ, еврейский

педагогический техникум, вечерние еврейские курсы, надо было «впредь именовать “Домом просвещения имени Менделе Мохер Сфорим”» [15, л. 10]. Вероятно, это была попытка создать еще один центр национальной культуры. Однако за единичными исключениями упоминания о таком статусе здания не встречались. А.М. Подлипский упоминает прошедший в Доме просвещения творческий вечер молодого поэта Моисея Юдовина, чей сборник стихов на языке идиш «Кной-лн» («Клубки») вышел в Витебске в 1922 г. [7, с. 109]. Нами же обнаружен документ, содержание которого симптоматично. В апреле 1923 г. евбюрогубоно извещало руководство техникума, что в субботу, 22 апреля в 7 часов вечера, в Доме им. Менделе состоится собрание культработников. На повестке дня вопрос о введении воскресного отдыха в школах и детских учреждениях (выделено нами. – Г.Я.) [18, л. 16]. Здесь показательна не только повестка собрания, но день и время его проведения! Борьба с традицией соблюдения Шабата нужно было именно в субботу!

Политика белорусизации способствовала расширению в БССР количества школ на языках национальных меньшинств. Идиш был признан одним из государственных языков. Расширялась сфера его употребления в партийной, профсоюзной, судебной деятельности. Увеличился набор в техникум. Учащиеся проходили практику в опытной школе при техникуме, в школах города и в школе «фольварка Кольшки» Лиозненского района [8, л. 1]. Здесь проживало много еврейского населения, и в рамках политики белорусизации был создан Кольшанский еврейский национальный совет. Практической подготовке учащихся для работы в школе тогда уделялось большое внимание. Шли дискуссии, где и как ее лучше проводить. Совещание по педагогическому образованию, состоявшееся в Минске в начале 1926 г., обсуждало не только опыт работы и учебные планы в связи с переходом на Дальтон-план, но и вопросы организации педагогической практики студентов педтехникумов. Тогда было рекомендовано, помимо практики в опытных школах при техникумах и городских массовых школах, ознакомить студентов выпускного курса с работой сельской или местечковой школы и просить у НКП БССР выделения соответствующих средств [13, л. 92]. В 1926–1927 учебном году после зимних каникул такая двухнедельная педагогическая практика для слушателей 4-го курса была организована впервые.

Для поступления в техникум необходимо было пройти коллоквиум (собеседование), по результатам которого принимали в учебное заведение. Еще до вступительных испытаний абитуриенты проходили отбор, на котором комиссия решала: допустить к коллоквиуму или нет. И не

каждый абитуриент успешно его проходил. В 1924 г., например, было подано 78 заявлений, но комиссия не допустила к коллоквиуму 33 человека [9, л. 57]. В 1925 г. не допустили в собеседованию по социальному происхождению парня, т.к. его отец был резником, хотя и нетрудоспособным, а также девушку – дочь шамеса (служителя синагоги. – Г.Я.) [31]. В техникуме готовили «красных учителей», которые должны были нести в еврейские массы новый взгляд на мир, способствовать их включению в социалистическое строительство. Здесь учились разные по общеобразовательному и политическому уровню развития учащиеся. Но они четко понимали, чего от них ждет советская власть и каково их предназначение в обществе. Это хорошо прослеживается в тех письменных работах, которые ими представлялись при собеседованиях. Одна из поступавших в техникум девушек писала: «“Красный педагог” является общественным работником», а молодой человек, отвечая на вопрос вступительного сочинения «Чего я жду от еapedтехникума?», извиняясь за свой плохой русский язык, писал: «Еapedтехникум – кузница, которая вырабатывает еврейских педагогов закаленных, которые отдадут свою жизнь для того, чтобы вывести рабочий класс и крестьянство от фанатизма, от тьмы к свету». Абитуриентка из Хотимска писала, что если поступит в техникум, то будет жить со своими товарищами одной семьей, будет развиваться, будет учиться не для того, чтобы сделать карьеру, а чтобы «дать пользу государству в смысле просвещения детей в какой-либо глухой деревушке» [32]. Другая поступала в техникум, чтобы стать «хорошей работницей на еврейской улице» [32, л. 24 об.]. Интересны тексты тех, кто писал сочинение на тему «Как у нас встретили смерть Ленина». Одни усвоили тексты газетных передовиц 1924 г. о вожде и их воспроизводили. Другие, описывая траурные митинги, собрания и демонстрации, проходившие в их местечках и деревнях, со всей непосредственностью могли написать, что «смерть Ленина была встречена у нас очень трогательно и с ужасом», «после смерти Ленина люди очень возмутились и пали духом» [32, л. 4, 22]. А третьи уже усвоили классовый подход и показали его, выявив неоднозначную реакцию на смерть лидера РКП(б). Один из авторов утверждал, что на сходке, организованной сельсоветом в их маленькой деревне в 20 верстах от города, беднота по поводу смерти Ленина волновалась, а из богатейших говорили: «И Троцкому тудды хорошо!». Второй отмечал, что в их местечке смерть Ленина встретили по-разному. Одни безразлично, другие сочувственно. «Были и такие люди, которые просто радовались смерти тов. Ленина, т.е. это были контрреволюционеры, которые надеялись, что после

смерти Ленина пролетариат пойдет по неправильному пути» [32, л. 9 об., 16]. Сохранилось вступительное сочинение Льва Талалая (Мовши Лейба) о его первых впечатлениях от Витебска и техникума. Он поступал в техникум в 1925 г. Проучился в нем до 1929 г. Работа Талалая отличалась грамотностью и неплохим стилем («проворные трамваи», «величественная Двина», «глухая деревня, где вечно тихо и где жизнь однообразна»). А также в ней были расставлены все нужные идеологические акценты: одобряемые советской властью профессиональные занятия еврейского парня, требуемое социальное положение и политические предпочтения. Крестьянин-землепашец, обладавший 5-тью десятинами земли и 10-летним стажем работы, он своим примером развенчивал стереотипы, что «евреи не бывают земледельцами», кстати, об этом ему говорила даже какая-то «барышня» в общезитии на Мало-Могилевской улице, куда он попал по приезду в город. Талалай в сочинении красочно «описал» свой сон в первую ночь пребывания в Витебске. Содержание сна настолько наглядно, что приведем его полностью. Автор писал, что во сне видел «мою родную деревню. Она была на красном фоне. Возле читальни собрались крестьяне... Читают газету “Дэр Вэкэр” и именно ту заметку, которую я перед отъездом послал в редакцию; о том, что у нас нет школы, а потому детишки не учатся, или же попадают в “хедер”, где “Меламед” (учитель) их воспитывает плетью и пощечинами на согнившей от ветхости библии». На листке сочинения сохранился комментарий члена Испытательной комиссии: «Прекрасная работа во всех отношениях» [33]. Л. Талалай в годы учебы в техникуме участвовал в литературных вечерах, читал на них свои стихи, потом служил в РККА, работал в минских еврейских газетах в 1930-е гг., учительствовал. Автор трех сборников стихов на идиш. Л. Талалай погиб в 1942 г. [7, с. 109]. В книге, посвященной могилевским евреям, Я. Климут пишет о Талалае: «Сведения о его жизни и трудовой деятельности очень скудные. В справочниках стоит год рождения 1906. Родился Л. Талалай на Могилевщине в семье еврейских крестьян. В тоненьком личном деле на две страницы, которое посчастливилось найти, нет ни даты, ни конкретного места рождения. Из этого дела, правда, можно узнать, что Лев Талалай в 1925–1926 учебном году работал учителем в Вендорожской начальной школе. Эти сведения подтверждаются и другими документами. Согласно протоколам заседаний могилевской филии “Маладняка”, он принимал в них активное участие, хотя в списке членов не значился (возможно, был кандидатом). С 1926 по 1928 г. Лев Талалай учился в Витебском педагогическом техникуме, затем до 1932 г. служил

в Красной Армии. После демобилизации работал в газете «Юнгерарбайтер» («Молодой рабочий»), а примерно в 1937 г. преподавал русский язык и литературу в одной из минских школ» [34]. В ГАВТ сохранились две анкеты Талалая Льва (Мовши Лейбы) Борисовича (Беровича). Одна, для поступления в техникум, заполнялась им 5 июля 1925 г. Там указывалось, что он родился 3 января 1909 г., что в 1924 г. был селькором газеты «Магілёўскі селянін», окончил в 1925 г. школу при могилевском педтехникуме. Интересно, что анкета заполнялась им для поступления именно в могилевский педтехникум (или он ошибся при заполнении?). 15 ноября 1928 г. им подписана анкета уже как студента ВЕПТ. В ней он указывал, что является студентом 4-го курса, членом профсоюза работников просвещения и членом ЛКСМБ. Отец был земледельцем – бедняком, освобожденным от уплаты налога [35]. В «Списках подавших заявление в техникум на 1925/1926 год», где он отмечен как поступивший на первый курс, указано, что ему 16 лет [д. 25, л. 3 об.]. В октябре 1926 г. он числился как студент второго курса [36]. Возможно, он начинал работать в упоминавшейся выше начальной школе? Но с очевидностью можно говорить о годе его рождения: 1909, а не 1906. И что учился он в Витебске с 1925 по 1929 г. Сохранилась выпускная характеристика, выданная Талалаю Лейбе Беровичу в 1929 г. В ней отмечалось, что он – 1909 г.р., обучался в техникуме 4 года, способности – хорошие (карандашом зачеркнуто и помечено «выше средних»). В графах «Развитие» и «Особые наклонности» отмечено: «Общее развитие вполне удовлетворительное, политически развит». «Проявил особый интерес к литературе. Проявляет определенные способности в литературном творчестве. Печатается». В графе, характеризовавшей активность на ниве общественной работы, подчеркнута: «Хорошо проявил себя на политпросветработе (литературных кружках, антирелигиозной работе и т.д.)». Отметив добросовестность и дисциплинированность Талалая, то, что он вполне удовлетворительно усвоил учебный материал и хорошо провел педпрактикум, руководство в графе «Можно ли поручить заведывание школой», тем не менее написало «нет» [37]. Интересно, что частный пример с Талалаем подтверждает закономерность, хорошо просматриваемую в рекомендациях руководства, содержащихся в характеристиках выпускников. В них, как правило, отмечались политическая подготовка студента, его активность или пассивность в общественной жизни техникума и города, способность работать в детсаду, школе 1-го или 2-го центра, целесообразность привлечения для пропагандистской работы в молодежной среде, склонность к организаторской деятельности

или преподаванию определенной дисциплины и т.д. Так, выпускника 1924 г. рекомендовали использовать как преподавателя обществоведения, поскольку в годы учебы он руководил кружком по изучению программы РКП(б), кружками по чтению газет, по поручению парткома делал доклады в техникуме и на рабочих собраниях города о еврейской пасхе, о МОПРе, Коминтерне, жизни и деятельности Ленина [11, л. 10]. Другой – инициативный, ответственный, один из лучших пионерработников города – «проявлял способности и умения в драматических постановках и клубной работе вообще», но к заведованию школой тоже не рекомендован. Такое решение вписывали в характеристику только тем выпускникам, которые в годы учебы были на «ответственной комсомольской работе» (или профсоюзной) или были общественниками – членами партии [38]. Так, можно было поручить заведование школой 28-летнему выпускнику 1926 года Городенчику Беньямину Львовичу, обладавшему драматическим талантом, руководителю драматических кружков и хорошему организатору. Ведь он был кандидатом в члены КП(б) Б, хотя в анкете отмечено: «Политическое развитие среднее» [39]. Отмечались в характеристиках и недостатки: «исключался из комсомола за троцкизм», «исключалась из КСМ за пассивность. Без разрешения уехала в Москву», «в общественной работе не всегда согласовывал (свои поступки. – Г.Я.) с коллективом» [38, л. 25, 37].

Выпускники после окончания учебного заведения в обязательном порядке должны были отработать два года по распределению в учреждениях, подчиненных НКП БССР. Вероятно, уже тогда часть из них не доезжала до места распределения. Иначе НКП БССР не присылал бы грозных писем с требованием не выдавать на руки выпускникам аттестаты и их копии. Их надо было присылать в Главпрофобр для решения вопроса о распределении [12, л. 105]. Особенно обострилась ситуация в начале 1930-х гг. В документах встречаются меры по борьбе с «летунами» – студентами, которые, приобретя знания, бросали техникум и поступали в другие учебные заведения или не являлись по распределению.

Девушки и юноши выписывали газеты на еврейском языке, оказывали помощь в ликвидации неграмотности, самые подготовленные из них руководили политическими и литературными кружками, работали в местных школах и детских садах [8, л. 1]. Студенты играли важную роль в жизни самого техникума. Студенческий профком, пользовавшийся авторитетом, состоял из следующих комиссий: академической (организация учебной деятельности), культурно-просветительной (организация кружков, вечеров, развлечений), издание журнала и стенгазеты, ведение читаль-

ней), экономической (заведование кухней и столовой техникума), санитарной (ответственность за санитарное состояние интернатов, наблюдение за чистотой содержания кухни, столовой и всего здания техникума, за обслуживанием студентов в санитарно-медицинском отношении), шефской (руководила общественной работой техникума в Красной Армии, на трех фабриках и в одном местечке) и стипендиальной. Л. Калецкий в одном из своих отчетов 1926 г. в Главпрофобр сообщал, что еще с 1921 г. сложилась практика активного участия студенческой академической комиссии в организации учебного процесса. Академическая комиссия (четыре старосты курсов и председатель, выделенный профкомом) входила в состав Совета техникума, а также тесно работала с методической комиссией учебного заведения. В Совете студенты имели 8 голосов, т.к. в него еще входили председатель профкома и представители партийной и комсомольской ячеек студентов. В методической комиссии 5 студенческих голосов даже перевешивали 4 преподавательских [40]. Это сотрудничество помогало знать о настроениях студентов, степени удовлетворенности или неудовлетворенности работой преподавателей и т.д. Сотрудничество протекало достаточно мирно, хотя зависимость от студенческих голосов при принятии решения не нравилась преподавателям. Иногда конфликты возникали из-за несовпадения оценки работы отдельных преподавателей, объема нагрузки. Студенты вызывали негодование преподавателей тем, что проводили заседания или собрания в часы учебных занятий и т.д. Принятие нового единообразного устава техникумов изменило эту ситуацию.

В 1920-е гг. в учебном заведении действовали многочисленные кружки: художественный, спортивный, декламации, драматический, хоровой. Учитывая, что выпускники должны были стать активными проводниками политики партии на местах, их учили писать корреспонденции в газеты и руководить газетными кружками. Создавались кружки по изучению постановлений съездов ВКП(б) и КП(б)Б, конгрессов Коминтерна, будущие учителя должны были стать знатоками и организаторами юношеского движения [40, л. 56 об.; 24, л. 6]. Девушки принимали участие в работе среди женщин. Многие учащиеся активно занимались пионерской работой. Тесно сотрудничал техникум с губернской советской партийной школой им. Ф. Энгельса, местными предприятиями, проводя совместные мероприятия (литературные суды, спектакли, вечера, митинги). Так, 5 декабря 1922 г. слушатели техникума и совпартшколы участвовали в литературном суде над Алеко – героем произведения А.С. Пушкина «Цыганы» [17, л. 22]. Совместно с рабочими щетинной фабрики отмечались Октябрьские тор-

жества [17, л. 22]. Студенты руководили кружками на фабрике, организовывали пункты по ликвидации неграмотности, выпускали стенгазеты. Коллектив техникума вел культурно-просветительскую работу в частях РККА, размещенных в городе. Осуществлялась просветительская деятельность в деревне. Отмечались новые государственные праздники: 1 Мая, 7 ноября, День Парижской коммуны, годовщины революции 1905 года. Эти праздники формировали новые политико-идеологические ориентиры населения. Комиссия по организации празднования 1 Мая, созданная при отделе народного образования Витебского губисполкома, предлагала руководству техникума в 1922 г. сделать распоряжение о явке преподавателей и учащихся «со знаменами и плакатами 1-го Мая к 11 часам утра на площадь Свободы для участия в Первомайском праздновании» [17, л. 110]. Наркомат просвещения БССР в апреле 1925 г. прислал распоряжение во все учебные заведения республики об организации празднования 1–2 Мая. Учителя должны были ознакомить детей с глубоким идейным смыслом лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» применительно к их возрасту. А дети на своих собраниях должны были провести беседы на тему «Наши братья на Западе». 1 мая следовало принять участие в общегородских мероприятиях, 2-го – организовать торжество своими силами с декламацией, хоровым пением, инсценировками [12, л. 86]. 25 января 1924 г. в техникуме состоялся траурный вечер, посвященный смерти В.И. Ленина. Учащиеся почтили его память вставанием и исполнением похоронного марша. После выступлений преподавателей, посвященных жизни и деятельности Ленина, ленинизму и «зачитывания воспоминаний» о нем, в ЦК РКП(б) была послана телеграмма, в которой говорилось, что «образ вождя будет нашей путеводной звездой в борьбе за его идеалы» [41]. В рамках БССР в 1925 г. отмечалось 20-летие литературной деятельности Я. Купалы. На собрании, проводимом по этому поводу, требовалось заслушать доклад о его деятельности и роли в развитии белорусской литературы, обеспечить чтение его произведений и концертную часть [12, л. 124]. В 1926 г. проходили мероприятия в связи с 20-летием белорусской периодической печати и литературного творчества Я. Коласа. Каждый год отмечались годовщины Октябрьской революции, в празднование массово вовлекались студенты вузов, учащиеся техникумов, ученики школ. Особенно значимой должна была стать 10-я годовщина Октября. Пришедшая в техникум инструкция из Наркомпроса БССР о праздновании 10-летия Октябрьской революции требовала создания комиссии по организации торжественных мероприятий по этому поводу. Предусматривался не только до-

клад о значении Октября, но и отчет о достижениях учебного заведения за годы советской власти. Надо было организовать выставку, отразить достижения в печати, членам кружков создать стихи, песни, сказки (!) по поводу знаменательного события [14, л. 179]. Облегчало подготовку выставки, а также оформление здания техникума и колонны студентов к демонстрации наличие художественного кружка. В техникуме принимали иностранные делегации, студенты и преподаватели участвовали в стрелковых соревнованиях, приобретали займы индустриализации.

Еврейский педагогический техникум был не просто учебным заведением, дававшим сумму знаний по базовым предметам на еврейском языке. Если религиозные учебные заведения, основанные на иудаизме, воспитывали правоверных евреев, то техникум также был местом воспитания, воспитания советского. Еврейская советская школа, как и вся новая еврейская культура на языке идиш, во многом была национальной только по форме. «Еврейское» в техникуме также носило советский характер. Его деятельность определялась не только инструкциями Главпрофобра НКП, но и указаниями евсекции губкома РКП(б), а позже – окружкома КП(б)Б и центрального евбюро при НКП БССР. Преподаватели техникума оказывали методическую помощь еврейскому учительству города. Заведующий техникумом Калецкий возглавлял витебское отделение ОЗЕТ (Общество по землеустройству трудящихся евреев), был делегатом 2-го Всесоюзного съезда еврейских культуротников в 1928 г. М.И. Юдовин возглавлял кружок еврейских рабочих-корреспондентов. Вышеупомянутый Б.В. Городенчик успешно руководил драматическим кружком для рабочих. В техникуме проходили мероприятия, организуемые для местного населения. В 1926 г. при участии студентов и преподавателей по клубам города были проведены вечера, посвященные 10-летию кончины Шолом Алейхема [40]. Слушатели и преподаватели собирали деньги на еврейский самолет, выписывали газеты и журналы на языке идиш, издававшиеся в Москве, Харькове, Минске, покупали лотерейные билеты ОЗЕТ, участвовали в воскресниках и субботниках, вели агитацию против еврейских религиозных праздников. Включались в процесс усвоения новой советской обрядности: участвовали в проведении советских свадеб без попов и раввинов, «красных крестин» с выбором для новорожденных новых советских имен (Кима, Воля, Деяна) или имен в честь вождей (Нинель, Роза, Карл, Владимир). Подобием «красных крестин» у евреев стало «красное обрезание». В 1924 г. в Витебске таковое было устроено по случаю рождения сына у преподавателя еврейского педагогического техникума А. Розен-

цвейга. В торжестве приняли участие еврейские учителя, студенты, школьники, рабочие. И если первого сына Розенцвейга звали Самуилом, то второго в честь В.И. Ленина назвали Владимиром. Ему подарили портрет Ленина, подписку на собрание сочинений вождя, «Капитал» К. Маркса. Розенцвейг обещал собравшимся воспитать младенца в ленинском духе [42, с. 249]. Многие преподаватели техникума в своих послужных листах отмечали, что «женаты гражданским браком», что дети зарегистрированы в ЗАГСе. Те, кто женился до революции, указывали «духовный брак» или дипломатично указывали: «женат с 1912 г.». Некоторые, совсем в духе времени, указывали и «фактический брак» [6, л. 4, 29, 33].

Преобладающая часть еврейского населения местечек была очень религиозной, сохраняла приверженность своей вере и обусловленным ею традициям. Скорее всего, некоторые учащиеся техникума, оказавшись в домашней обстановке, соблюдали традиционные повседневные практики. Молодежь еще сохраняла классические еврейские имена, хотя упоминавшийся выше Мовша Лейба Талалай стал Львом Талалаем, а преподаватели техникума сменили отчества (Лев Шмуylович на Самойлович, Айзик Янкелевич на Яковлевич). Появились смешанные браки, но преобладающая их часть все же заключалась в своей среде. Но именно эти юноши и девушки, оказавшись вне местечек, вступив в члены партии или ЛКСМБ, быстрее отказывались от повседневных бытовых практик, обусловленных иудаизмом, легче адаптировалась в новых социально-политических реалиях. Советизация с помощью идишизации достаточно быстро давала свои результаты. Среди части молодежи нарастали процессы ассимиляции.

Еврейские педагогические техникумы в Минске и Витебске (с 1925 г. и в Гомеле (в 1929 г. переведен в Смоленск вместе с учащимися) только за 4 года (с 1924 по 1927 г.) выпустили 276 специалистов [43]. Итоги работы витебского техникума были подведены на праздновании его 5-летия. Оно сопровождалось целой серией мероприятий, проведенных педагогами и учащимися учебного заведения, поздравлениями со стороны витебской и республиканской общественности за тот вклад, который внес техникум в подготовку «красных учителей». За первые 5 лет еврейский педагогический техникум в Витебске подготовил 86 учителей (1-й выпуск – 14, 2-й – 31, 3-й – 41 человек), которые не только преподавали в школах городов и местечек БССР, но и активно работали в еврейских национальных советах, в профсоюзах, избах-читальнях, среди местечковой молодежи [44].

Заключение. После революции религиозное образование детей было запрещено. Иврит стал

восприниматься как проявление буржуазного клерикализма, возобладало мнение о создании советского образования для еврейских детей на идише. Еврейская секция губкома РКП(б) стала инициатором борьбы с хедерами. Для подготовки «красных учителей» в 1921 г. в Витебске был открыт еврейский педагогический техникум. В техникум поступали на основе социально-классовых критериев. В первых наборах было много членов РКП(б) и ряда еврейских политических партий, училась молодежь из БССР, РСФСР и УССР. Активное участие студентов в жизни техникума и города, членство в профсоюзе, партии, комсомоле были не менее важны, чем успеваемость. Значимой в организации повседневной жизни техникума являлась роль профкома студентов. Материальные условия существования были тяжелыми, стипендии – маленькими, причем последние на руки не выдавались. На эти деньги обеспечивались питание в столовой техникума, стирка белья, поход в баню и т.д. Преподаватели и учащиеся техникума активно участвовали в пропаганде советских антирелигиозных обрядов, акциях международной солидарности, отмечали новые государственные праздники, вели культурно-просветительскую работу в частях РККА, руководили пионерскими отрядами.

Преподавание велось на идише, содержание образования было советским и менялось на протяжении всех 1920-х гг. Много внимания уделялось изучению еврейского языка, но попытки хотя бы факультативного изучения иврита не удались. В программе присутствовал курс еврейской культуры, но не было еврейской истории. С включением Витебской губернии в состав БССР в условиях белорусизации началось изучение белорусского языка и литературы. Учащиеся проходили практику в опытной школе при техникуме, еврейских школах города и местечек. Для многих обучение в техникуме открыло новые горизонты и изменило жизнь. С началом индустриализации и коллективизации ужесточились социальные критерии отбора, дети евреев, лишенных избирательных прав, желавшие изменить свою судьбу через получение учительской профессии, были исключены из техникума. Усилилось внимание к антирелигиозной составляющей образования и воспитания. Возросла роль военной подготовки. С одной стороны, техникум удовлетворял потребности в образовании еврейской молодежи, с другой – способствовал усвоению советской идеологии в этой среде.

Литература

1. Герасимова, И. Еврейское образование в Бобруйске: конец XIX – начало XX века / И. Герасимова [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- <http://lechaim.ru/ARHIV/178/gerassimova.htm>. – Дата доступа: 24.09.2017.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 905 (Витебский государственный еврейский педагогический техникум). – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 71.
  3. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21, 58.
  4. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 160.
  5. ГАВт. – Ф. 9-п. (Коллекция документов органов партийного и государственного контроля Витебской губернии). – Оп. 6. – Д. 2397. – Л. 1, 11.
  6. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 22 об.
  7. Подлипский, А.М. Евреи в Витебске: в 2 т. / А.М. Подлипский. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2004. – Т. 1. – 176 с.
  8. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 10.
  9. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 44.
  10. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 3.
  11. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 8.
  12. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 180.
  13. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 149.
  14. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 113.
  15. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 10.
  16. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 80.
  17. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 19.
  18. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 8, 48, 69, 75.
  19. ГАВт. – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 7 об.
  20. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 6.
  21. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 5.
  22. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 15.
  23. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 1.
  24. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 4.
  25. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 7.
  26. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 52.
  27. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 9, 10, 15.
  28. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 20–22.
  29. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 6.
  30. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 39.
  31. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 8 об.
  32. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2, 5, 11.
  33. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 4.
  34. Климут, Я. Талалай Лев Борисович / Я. Климут // История могилевского еврейства. Документы и люди. Книга вторая. Ч. 1: Могилевские евреи в культуре и искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mogkalendar.besaba.com/doc/monografii/hist_ewrei/hist_mog_ewr_2_1/b2p1_13.pdf. – Дата доступа: 05.05.2017.
  35. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 1028. – Л. 1, 2.
  36. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 23.
  37. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 50.
  38. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 1, 8.
  39. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 5.
  40. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 96.
  41. ГАВт. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 65 об.
  42. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941 / А. Зельцер. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 478 с.
  43. Басин, Я.З. Большевизм и евреи: Белоруссия, 1920-е гг. Исторические очерки [Электронный ресурс] / Я.З. Басин. – 2008. – Режим доступа: <http://mb.s5x.org/yazib.org/yb050100.html>. – Дата доступа: 04.04.2017.
  44. ГАВт. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 95. – Л. 15.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.